

A decorative laurel wreath with two branches extending horizontally from the left and right sides of a central black rectangular frame. The frame has rounded corners and a white border. The text is centered within the frame.

**БОЖЕСТВЕННАЯ
КОМЕДИЯ,**

или

ПУТЕШЕСТВИЕ
ДАНТЕ ФЛОРЕНТИЙЦА
СКВОЗЬ ЗЕМЛЮ,
В ГОРУ И НА НЕБЕСА

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ,

или

путешествие
ДАНТЕ ФЛОРЕНТИЙЦА
СКВОЗЬ ЗЕМЛЮ, В ГОРУ
и на небеса

в пересказе

Анджея Иконникова-Галицкого

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА
Санкт-Петербург

Скажи мне, Господи, путь, в онь же пойду...

Псалом 142: 8

СЛОВО ПЕРЕСКАЗЧИКА

Мы собираемся рассказать вам одну потрясающую историю.

Мы, правда, не предполагали делать ничего подобного, но к нам пришли и сказали: «Надо!»

Услышав такое предложение, мы сначала в ужасе отпрянули, понимая меру ответственности и то, какое место эта история занимает в мировой культуре. Но потом подумали и согласились.

Потому что это, во-первых, безумно интересно, а во-вторых, действительно, как нам кажется, надо.

Дело в том, что эта история, известная как «Божественная комедия» Данте, – одна из крупнейших жемчужин в сокровищнице духовной культуры человечества. Про неё и про её создателя знают абсолютно все. Однако если провести исследование среди своих друзей и знакомых, то, скорее всего, обнаружится, что лиц, прочитавших её целиком и способных ответить на десяток вопросов по тексту, не так уж много. Очень вероятно, что таких не окажется вовсе. Не исключено даже, что и мы сами не сможем вспомнить некоторые нюансы

загробных странствий Данте с Вергилием и Беатриче. А также и то, когда последний раз открывали эту книгу и куда дочитали.

Складывается странная ситуация: автор велик, история знаменита, но о чём там речь, сможет рассказать далеко не каждый наш образованный современник. Большинство «когда-то читали» и «что-то такое помнят». И лишь узкий круг посвящённых знает, что там и как на самом деле было.

Причём такое положение существует не только у нас, в России, и не только в сфере распространения русского языка. Есть подозрение, что и в Европе, и, конкретно, в Италии, где эта история, собственно, началась, дело обстоит ненамного лучше.

Отчасти причину тому язык – флорентийский диалект староитальянского с примесью латыни, провансальского и так далее. Отчасти – стихотворная форма, которую большинство современных людей воспринимают туговато. Но главная проблема в чём-то другом. Возможно, в том, что нынешний человек боится и не хочет слышать многое из того, что рассказывает ему Данте. Возможно, в чём-то ещё. Не знаю.

Нам кажется, что эта проблема – страх человека Нового времени перед средневековой непосредственностью Данте – послужила одной из причин отсутствия адекватного перевода «Божественной комедии» на русский язык.

Переводов-то довольно много – полных стихотворных нам известно девять. Не вдаваясь в их оценку и анализ, скажем только, что не всегда они приближают нас к пониманию различных смыслов великой поэмы, а иногда, наоборот, отдаляют. Данте прост, а переводы делают его сложным. И дистанция между нами и фантастически-реальными мирами Данте остаётся непреодолённой.

Наша задача – попытаться перекинуть мостик через эту расщелину.

Задача, конечно, трудновыполнимая.

Заранее просим прощения, если что-то получилось не так.

Маленькое пояснение по поводу названия книги в целом и трёх её частей.

Данте, собственно, никакой «Божественной комедии» не писал. Название это появилось лет через тридцать после его смерти в трудах Боккаччо. Слово «комедия» встречается в тексте поэмы, но не как название, а, скорее, как типологическое обозначение. Причём смысл этого слова иной, нежели сейчас. У Данте «комедия» – не то, над чем хохочут, а такая история, которая плохо начинается и хорошо заканчивается (в отличие от «трагедии», где всё наоборот).

Что же касается заголовков трёх частей (так называемых кантик) поэмы – в русской традиции «Ад», «Чистилище» и «Рай», – то с ними всё дополнительно непросто из-за особенностей перевода. Дело в том, что слово «Ад», то есть царство Аида, Тартар, вообще не встречается у Данте как название среды посмертного обитания душ грешников. У Данте используется латинский термин *Inferno* («то, что внизу, под»), что на русский язык наиболее адекватно переводится как «Преисподняя»; это наименование используем и мы. Разница, между прочим, существенная: в Преисподней, описываемой Данте, нет владыки, царя, каковым мыслился древнегреческий Аид. Сатана там ничем не управляет, он воткнут в ледяную сердцевину подземелья и только и делает, что пережёвывает трёх мрачных грешников да взмахами крыльев генерирует морозный ветер.

Во второй кантике появляется слово *Purgatorio* – не как заголовок и не столько как название, сколько как характеристика; дословно: «место, где чистят». Общепринятый

его перевод – «Чистилище» – хоть и точен, но в данном случае, как нам кажется, вызывает неверные ассоциации. Во-первых, в современном католичестве «Чистилище» – это термин, имеющий вполне определённое теологическое значение. Но существовало ли такое понятие во времена Данте – большой вопрос. Имеется предположение, что как раз католическое учение о Чистилище (несколько странное с нашей православной точки зрения) сформировалось под влиянием ярких образов Дантовой поэмы, а не наоборот. Данте путешествует не в теологическом пространстве, а по реальному, хотя и необыкновенному ландшафту. Во-вторых, в русском языке суффикс *-ищ-* склонен придавать словам архаичный и в то же время какой-то подозрительный, иногда пугающий, не очень приятный оттенок: «узилище», «седалище», «блудилище», «капище»... Поэтому мы решили там, где это необходимо, вместо слова «Чистилище» использовать словосочетание «Гора Очищения».

Наконец, слово *Paradiso*, переводимое как «Рай», в поэме Данте используется двояко: для обозначения прекрасного сада или, вернее, лесопарка на вершине Горы Очищения, в котором обитали Адам и Ева до грехопадения, и лишь изредка – в применении к высшим небесным сферам, местам обитания ангелов и бестелесных душ святых.

Поэтому мы в нашем пересказе не стали использовать традиционные названия самой поэмы и трёх её частей, а придумали другие (может быть, более, а может быть, и менее удачные).

Считаем долгом подчеркнуть, что мы предлагаем читателю *пересказ* – не перевод, не переложение, а именно пересказ великой поэмы. То есть как бы Данте рассказывал нам, а мы слушали, насколько могли, внимательно. Что-то, может быть,

не расслышали. На чём-то отвлеклись. Что-то пропустили мимо ушей. Где-то не так поняли, а переспросить постеснялись. Ну и теперь пламенно желаем изложить в доступных нам формах то, что сами усвоили.

Кстати, по этой причине мы решили по возможности не использовать и даже не учитывать различные комментарии, толкования и исследования, которыми поэма Данте за семь столетий обросла гораздо гуще, чем днище корабля ракушками. Наша задача – услышать то, что сказал сам Флорентиец, а не то, что извлекли из его слов учёные интерпретаторы.

Хотим ещё добавить, что в поэме присутствует огромное количество имён и названий, понятных современникам Данте, но неизвестных нынешнему читателю. Мы постарались собрать их в Словарь, помещённый в конце книги.

Ещё надобно пояснить следующее...

Но тут мы умолкаем.

Ибо происходит нечто странное.

Наполовину из лучезарного света, наполовину из тьмы небытия слепилась фигура: мужчина лет сорока, невысокий, жилистый; одет по старинной причудливой моде. Остро заточенное горбоносое лицо, грифельно очерченный рот, внимательный взгляд бархатистых глаз. Он выходит из ниоткуда; он что-то говорит нам, как будто продолжает давно начатый рассказ. Давайте подойдём поближе. Послушаем.

– Давно это было. Если не ошибаюсь, в день Благовещения Пресвятой Богородицы, 25 марта, предположительно 1300 года от Рождества Христова, или около того, я, Данте, флорентиец, сын Алигьеро из семьи Алигьеры, проходил середину своего земного пути...

A decorative white frame with a double-line border and curved corners, enclosing the title text.

СКВОЗЬ ЗЕМЛЮ

*Положиша мя в рове преисподнем,
в темных и сени смертней.*

Псалом 87: 7

1
ДРЕМУЧИЙ ЛЕС. ТРИ ЗВЕРЯ.
ВСТРЕЧА С НЕЗНАКОМЦЕМ

...Я шёл, и шёл, и шёл – и заблудился в дремучем лесу.

Сам не знаю как: шёл верной дорогой, но от усталости к вечеру стало клонить в сон.

И я сбился с пути.

С каждым шагом сгущалась тьма. Колючие кусты хватили за одежду, царапали когтями; могучие стволы шушукались в вышине, посмеиваясь надо мной. Я пробирался впотьмах, не ведая куда. Ни тропинки, ни дорожки, ни лучика, ни тихого дуновения.

Ужас охватил меня. Вот она, погибель.

Вдруг что-то забрезжило впереди – как будто некий свет...

Глубокий лог понемногу стал сменяться подъёмом. Древесные кроны расступились в вышине. Путеводная

звёздочка, изливая сияние, плыла по небу, уже тронутому предчувствием рассвета.

Я оказался на опушке леса. Тёмный крутой склон уходил к небу. Отсветы близкой зари легли на плечи гор. Перестало теснить грудь, и мне наконец-то вздохнулось. Страх плеснул, как рыба, и затаился на самом дне сердца. Я остановился в изнеможении. Так, наверное, мореплаватель после шторма ступает на твёрдый берег, а в глазах его всё ещё рябят беснующиеся волны. И после бессонной ночи так навевает отраду утренний ветерок.

Я стоял, озираясь. Позади тьма и страх смертный. Впереди таинственный путеводный свет.

Переведя дух и собравшись с силами, я вновь зашагал, чтобы поскорее выбраться из сумрачного дола к озарённой светом вершине. Но едва я начал подъём, как откуда ни возьмись из-за скалы, из засады, выскочил пятнистый барс и лёгкими прыжками понёсся прямо на меня. Подбежал и отпрыгнул, то ли готовясь напасть, то ли играя. Как быть? Бежать назад, спрятаться в чащобе? Но там гибель. А вперёд не пускает когтистая кошка.

Меж тем светало. Солнце восходило, но ещё видны были звёзды – те же самые, что окружали светило, когда Божественная Любовь впервые двинула в вечный путь свои небесные творения...

Бодрость раннего утра вселяет надежду, и я решил, что прорвусь, перехитрю зверя. Но тут – новая напасть, хуже первой. Косматый лев! Он появился внезапно, он шёл, свирепо откинув гриву, с голодным рыком, и воздух трепетал от ужаса вокруг.

Не успел я опомниться, как третий зверь, страшнее тех двух, выпрыгнул из ниоткуда. Волчица – худая, клыкастая, злобная. Глаза её горели и переливались жёлтыми огнями. Она завывала таким жутким воем, как будто все неуголённые страсти смертного мира слились в нём. Сердце моё замерло, страх схватил за горло. Волчица, беспокойно кружась, шла на меня, не отводя хищного взора, загоняла, как ловкий охотник, в чёрную чащобу, где никогда не светит солнце.

И вот, когда я готов был уже бежать или броситься на землю и найти смерть в когтях зверя, – в этот самый миг я вдруг увидел человека. Он стоял поодаль, без звука глядя на меня, как отшельник, от многолетнего молчания разучившийся говорить.

– Помоги, – крикнул я в отчаянии, – помоги мне, кто бы ты ни был, человек или призрак!

И услышал в ответ:

– Я не человек, я был человеком. Отгадай, кто я.

Он заговорил глухо и нараспев:

– Род мой из страны этрусков и галлов, ныне называемой Ломбардия. Родной город – Мантуя. Я рождён в последние годы Юлия. А жил в Риме при Благословенном Августе, во времена лукавых языческих богов. И был я поэт. Я слагал песни. И воспел я сына Анхиса, скитальца и победителя судьбы, беглеца из сожжённой Трои, из поверженного Илиона.

От звуков его голоса смятение, владевшее мной, стало понемногу отступать. Незнакомец продолжал успокоительным тоном:

– Но сейчас не об этом. Лучше скажи, почему ты повернул вспять? Почему не восходишь на эту пресветлую гору? Там поистине родник радости!

Преодолев трепет, я смог наконец вымолвить:

– Послушай, я догадался! Ты родом из Мантуи, ты жил в Риме при Августе, ты поэт, и речь твоя льётся рекой... Уж не Вергилий ли ты?

Он молча кивнул. Робея, я склонился перед великим человеком:

– Вергилий! Солнце латинской поэзии! Будь милостив ко мне ради трудов моих и ради великой любви к твоим творениям. Ты мой поэт и учитель. Спаси, мудрейший из мудрых: зверь преследует меня!

Он выслушал и промолвил весомо:

– Значит, ищи другого пути, если хочешь выбраться из этих гиблых мест.

Какого пути? Где? Я готов был в отчаянии заплакать. Но он продолжил важно и с расстановкой:

– Слушай внимательно, я открою тебе тайну зверя. Эта волчица никому не позволяет пройти своим путём, обращает в бегство, настигает и убивает. Природа её – грех и зло. Никогда она не насытится, и чем больше сожрёт, тем голоднее. Со всяким зверьём она готова совокупляться и становится от того всё ненасытнее. И будет она свирепствовать и властвовать, доколе не явится Великий Пёс, и он загрызёт её. А пищей и отрадой победителю будет не плоть и не кровь, не земли и не золото, но мудрость, любовь и добродетель. Страна его упокоится меж ковром и войлоком, меж царством

и царством. Он спасёт несчастную Италию. Ибо не зря излила свою кровь на эту землю дева-воительница Камилла, вскормленная кобыльим молоком. Не зря царь Турн пал от руки Энея. Не зря погибли неразлучники Нис и Эвриал. И Пёс погонит зверя через все города, пока не низвергнет его в ту самую бездну, откуда некогда извела его зависть.

Я остолбенело глядел на него, ничего не понимая. Он заговорил снова:

– Решайся, иди за мной. Я выведу тебя из темницы на волю. Но будет тяжело в дороге – приготовься. Мы пройдем через вечное подземелье, где твой слух будут раздирать вопли отчаяния; перед тобой предстанут терзаемые души, взывающие о последней гибели. И увидишь поющих в пламени и ликующих, в ком жива надежда, и видны им двери обители блаженства. И ты захочешь войти этими дверьми. И тогда явится тебе лик светлый, и встретит тебя душа чистая. И я передам тебя ей, а сам исчезну, потому что жил вне Вечного Завета, и Господь, Царь Света, не хочет, чтобы я входил в Его чертоги. Царь сей всюду властвует незримо, но дом и царствие Его – там. Там и Престол Его. И счастлив тот, кого Он призывает.

– Да будет так! – воскликнул я. – Спаси меня во имя неведомого тебе Бога! Веди меня туда, где ждёт апостол Пётр у пресветлого входа.

Он двинулся в путь. И я последовал за ним.

СОМНЕНИЯ. РАССКАЗ ВЕРГИЛИЯ.
ВЕСТОЧКА ОТ БЕАТРИЧЕ

День уже угасал, когда мы подошли к глубокой расщелине. Воздух темнел, избавляя жителей земли от дневных забот. Но мне было не до отдыха: как солдат перед боем, я твердил все молитвы, какие только мог вспомнить.

– Царю Небесный, Душе истины, приди и вселись в меня! Музы, помогите мне! Память! Запиши всё, что увижу, – великое и неслыханное!

Но тревога не унималась.

– Учитель! – воскликнул я. – Ты готов повести меня и сквозь землю, и в небо. Но взгляни на меня: достоин ли я? Смогу ли я?

Он молчал, и я продолжал в смятении сердечном:

– Сказано в твоей поэме про Энея, как он во плоти, в образе человеческого сошёл туда, в область смерти и бессмертия, и вернулся живым. Так благоволил Царствующий и Очищающий, потому что Он сам избрал Энея отцом великого Рима и Римского царства. А Рим и царство созданы были для того, чтобы уготовать место престолу, на котором воссядет преемник апостола Петра. Так подвиг Энея, воспетый тобой, лёг первым камнем в основание Святого престола. И апостол Павел, избранный сосуд

Божий, восходил до третьего неба, восхищен был в рай и слышал там слова неизреченные, дабы принести оттуда свет веры, начало пути спасения. Но я-то – как отправлюсь *туда*? Кто позволит мне? Я не Эней, не Павел. Я никто – мал, слаб, недостоин.

Он не прерывал меня.

– Нет, нет, это безумие. Мысли мои двоятся, и нетвёрды в путях своих. Утром, выбравшись из того леса, готов я был идти за тобой хоть в огонь, хоть в воду, в бездну и на небеса. Теперь, в сумерках, в раздумьях, готов отступить от решения своего. Ты мудр: если я неправ, объясни, чего не понимаю.

Вергилий ответил не сразу:

– Душа твоя поражена страхом. Как вода наполняет сосуд, так страх наполняет человека и не даёт сдвинуться с места. Много великого сотворил бы человек, если бы не боялся. Но страшимся мы всегда того, чего нет на самом деле: так мышонок бросается удирать от кошачьей тени. Не бойся! Послушай, почему я пришёл *оттуда* и оказался на твоём пути.

Вот что мне поведал Вергилий.

– Я пребывал *там*, среди *тех*, о ком ещё нет последнего решения. Вдруг слышу: зовёт меня будто бы голос света – дивная и блаженная Жена. Взор её ярче звёзд. Голос её как журчание вод многих, как тихое пение ангела. Я поклонился ей и просил повелевать мной.

И она сказала: «Многомудрый мой мантуанец, чья слава в мире жива и будет длиться, пока мир стоит. Есть такой человек на земле – он был мне друг, но никогда не

дружил с удачей. Он странник там, на земле, и он сбился с пути, он теперь в сени смертной. Так тесно душе его на каменистом склоне, и так страшно ему, что готов он бежать куда глаза глядят. Боюсь, как бы не заблудился он совсем – не запоздает ли моя помощь? “Поздно – хуже, чем никогда”, как говорят у нас на небесах. Иди к нему и помоги ему чем можешь: словом своим крылатым и всяким делом, ведущим ко спасению. Помоги ему ради меня. Имя моё – Беатриче, что значит “благословляющая путь”; я пришла оттуда, куда хочу поскорее возвратиться. Я пришла, потому что люблю. Выполни мою просьбу, а я замолвлю за тебя словечко перед Господом, чтобы по Последнем суде войти тебе в места света».

Когда она закончила речь, я склонился перед её лицом и ответил: «Светозарная Жена, ты прекрасна. Твоей красотой род человеческий превосходит всё, что есть под небесными сферами! Твоё повеление – радость для меня, и я немедленно его исполню. Не надо ничего более объяснять, скажи только одно: как не побоялась ты сойти в этот край тоски и надежды из мест силы и славы, куда спешишь возвратиться?»

И она сказала: «Ты много хочешь знать, но так и быть, объясню, почему не погнушалась я спуститься к вам, в пучину. Бояться нужно лишь дел погибельных, всё прочее не страшно. Бог создал меня так, что страсти и мятежные хотения не задевают меня, я недоступна пламени душевного пожара. Но скажу тебе: выше нас, выше всех на небесах есть Жена, облечённая в Солнце. Она с высоты сострадает всем, сострадает и бедам того, ради кого я тебя

посылаю. Она смягчит всякий суровый приговор. Она призвала великую святую мученицу Луцию, хранительницу глаз человеческих, и обратилась к ней, и сказала: “Верный твой подопечный нуждается в тебе, и я поручаю его твоим заботам”. Тут же Луция встала, и пошла, и явилась в те покои, где мы услаждались беседой с праmaterью Рахилью, женой Иакова. И Луция сказала мне: “Беатриче, истинная хвала Божия, почему ты не поможешь тому, кто так любил тебя и воспел такими стихами, что имена – твоё и его – зазвенели по всей земле? Неужели не слышишь горести и стона его сердца? Не видишь, как он борется со смертью на берегу речки, которая шире океана?” И я немедля выбежала из чертога блаженства и бросилась вниз, в сумрак, чтобы найти тебя. Ибо знаю величие твоего слова и что ты, учитель, сможешь помочь бедствующему ученику твоему».

Сказала – и глаза свои сияющие обратила ко мне. И пустился я в путь бегом. И вот явился тебе и избавил от зверя, не дававшего взойти на чудесный холм. Так что же? Зачем медлишь? Почему жалкая робость затаилась в твоём сердце, когда три благословенные Жены заботятся о тебе при дворе Небесного Царя? Неужто не веришь моим словам? В них – обещание вечного блага.

Так сказал мне Вергилий.

Как цветок, свернувшийся и поникший от ночного холода, при тёплых утренних лучах раскрывается и выпрямляет свой стебель, так воспрянуло моё сердце, закипели в нём силы, явилась отвага. И я заговорил, как освобождённый пленник, с которого сняли оковы:

– Радуйся, Благодатная! Ты страдаешь всем, Ты подала мне помощь. Радуйся и ты, Учитель праведный! Ты по слову Истины пришёл ко мне от Благодатной! Ты убедил меня, исцелил от сомнений. Воля моя окрепла. Теперь вперёд! Одна у нас цель и одно желание. Веди меня, наставник!

Так я ему сказал. И он зашагал по заросшей тропе вглубь расщелины. И я следом.

Мною входят в теснину скорби.
Я держу мировые скрепы.
Не тужи о телесном скарбе.
Над всем поставил меня Творец.
Воздвиг Архитектор-Первенец.
Всему миру венец.
Я – первотворение Божье.
Утоление вечной жажды:
Никогда ни глотка надежды.

Так было написано чёрными буквами над входом.

– Учитель, я прочитал. Страшно.

Он ответил:

– Вот эту свою заношенную одежду – страх, сомнение и робость – оставь-ка тут, перед входом. Сейчас мы переступим порог. Там ты увидишь столько боли, смерти, безумия, что... Приготовься.

Он посмотрел мне в глаза своим светлым взглядом, взял за руку и шагнул.

Я – за ним.

Мы вступили в безлунное, беззвёздное сумеречное пространство. Его наполняли звуки. Они неслись отовсюду. Невнятные жалобы, стенания, вздохи такие тяжкие, что слёзы наворачивались на глаза, бормотание на всяческих языках, бессвязные речи, вопли страдания, злобные крики, голоса тонкие и охрипшие, шум то ли бегущей воды, то ли дальних рукоплесканий... Хаос звуков, кружащихся в тусклом воздухе без времени, взвивался и рассыпался, как пыль в налетевшем вихре.

Будто обручем сдавило голову.

– Учитель, чьи это голоса? Что их мучает?

– Это прихожая Преисподней. Тут коротают вечность те, кто ни холоден, ни горяч, кто прожил жизнь, не содеяв ни зла, ни блага. И с ними в едином хоре – кое-кто из бывших ангелов: конечно, не те навеки проклятые, что восстали против Творца, а те, которые не пошли сражаться за Него. Решили быть сами за себя, и вот, сброшены из небесных сфер сюда – чтобы небеса не утратили непорочной чистоты, но и глубины Преисподней не похвалялись такими пленниками.

– Почему им так тяжело? Отчего они стенают нестерпимо?

– Они и хотели бы умереть, да не могут, и ожить нет им надежды. Мучает их собственное ничтожество, терзает зависть ко всему и всем, к живым и к мёртвым. В том мире не осталось о них памяти, нет для них ни милосердия, ни справедливости. Ну, и нам нечего тут медлить, идём.

Едва мы двинулись в путь, как я увидел нечто похожее на развевающееся знамя. Оно носилось в пространстве по кругу, а за ним бесконечная вереница людских фигур – жуткий, невероятный забег мертвецов. В одном из них я с изумлением узнал недавнего римского папу – не стану называть его по имени: он был избран и отрёкся. Весь этот рой – объяснил мне учитель – те, кто не захотел быть с Богом, но не смог и с врагом Божьим, и потому отвержены Тем и другим. Они были нагишом; несметные полчища слепней, оводов и шершней преследовали их, настигали и свирепо жалили. Кровь от укусов струилась, смешиваясь со слезами, стекала по груди и животу к ногам, густела, начинала гнить, и в этой жиже копошились черви.

Подробнее рассмотреть их я не успел: мы шли быстро. Вскоре, взглядываясь вперёд, я как сквозь пелену увидел уйму людей на берегу широкой реки.

– Учитель, а это кто? – спросил я. – Почему они так спешат и теснятся у переправы?

– Сейчас поймёшь. Подойдём поближе. Это река Ахерон.

Мы направились к берегу реки скорби. На водной глади без всплеска появилась лодка. Ею правил белый-белый старик с бородой как пучок болотной осоки. Приблизившись, он визгливо закричал, захлёбываясь от злости:

– Ага, попались, проклятое отродье, сучьи души! Не надейтесь, никогда не видать вам неба. Утащу на тот берег, в вечную тьму, в жар и в стужу.

Вдруг неподвижный взгляд его остановился на мне.

– А ты... Эй ты, живой, как сюда затесался? Отойди, не путайся среди мёртвых!

Я оцепенел, а он, видя, что я не трогаюсь с места, завопил:

– Не здесь, не здесь! Другим путём, через другую дыру пролезешь ты на тот берег! Унесёт тебя лодка полегче моей!

– Хватит ругаться, Харон, – вмешался мой вожатый. – Мы здесь, потому что такое дано повеление – оттуда, где могут всё. Исполняй и не спрашивай ни о чём.

Лодочник замолк, перестал трясти бородёнкой, но его воспалённые глазки по-прежнему светились злобой, как болотные огни. Тогда те, что толпились на берегу, истомлённые и нагие, пришли в дикое негодование. Они корчили рожи, скрежетали зубами, изрыгали ужасные проклятия – и на меня, и на Творца, и на своих родителей, и на миг своего зачатия, и на весь род человеческий. С ужасающей бранью и завываниями всей толпой ринулись они к береговой кромке.

Харон согнал их всех в свой чёлн, лупя веслом и подгоняя криками:

– Туда вам и дорога! Всем, кто не боялся Бога!

Как осенние листья, стряхиваемые ветром с ветвей, как птицы на охотничью приманку кидались безумные один за другим с берега в лодку. И вот уже уплывают они по сумрачным волнам. И прежде, чем сойдут они там, в далё-

ком тумане, новая вереница потянется сюда, и новая толпа соберётся на этом берегу.

– Дело в том, сынок, – объяснил наставник, – что изо всех народов и стран сюда слетаются души, отрёкшиеся от Отца, хулившие Создателя мира. Бегут как угорелые, готовы задавить друг друга на переправе, потому что правда Божия гонит их. Страх придаёт им прыти. А праведная душа никогда не проходила этим путём. Теперь ты понимаешь, отчего Харон так разъярился на тебя.

Едва он окончил, как мрачная равнина дрогнула и затряслась, и всё вокруг так страшно поколебалось, что душа моя ушла в пятки. Зарыдала, застонала земля,дохнула бурей, и над ней засверкали багровые молнии. От нестерпимого блеска и грохота я лишился сил и упал. И мгновенно заснул мертвецким сном.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА